

После его настойчивых просьб Лоло всё-таки отвела его туда.

Дворец, когда-то сиявший великолепием, давно утратил прежний блеск. Весь двор погрузился в тишину глубоко внутри императорской столицы; даже солнечный свет сюда почти не проникал.

Лоло открыла замок ключом и неожиданно обнаружила, что внутри всё очень чисто. Вопреки ожиданиям двор не зарос сорняками, даже опавших листьев лежал лишь тонкий слой. Совсем недавно здесь точно кто-то был.

Она почесала голову:

— Странно. Глаза Управления тайной стражи есть по всему заднему дворцу. Как я могла не знать, что сюда кто-то приходит?

Под её недоумённым взглядом Янь Тин толкнул полуоткрытую дверь и вошёл.

□Пэй Сюньчжи часто приходит сюда один, но внутрь не заходит. Только сидит под карнизом или на ступенях.□

Услышав подсказку системы Люлю, Янь Тин открыл дверь комнаты.

Внутри было пусто. Всё давно вынесли. Не то что улик — даже одного волоска не осталось.

Но Янь Тин не сдавался. Он ходил по полу туда-сюда и неожиданно заметил, что одна каменная плитка в углу звучит иначе, чем остальные.

Под ней была пустота.

Янь Тин позвал Лоло, и вместе они поддели плиту.

Внутри действительно что-то было — снова коробка, обёрнутая красной тканью. Третий раз один и тот же приём.

Янь Тин открыл коробку. В ней лежали маленькая шапочка с тигриной мордочкой и такие же детские башмачки. Было видно, что тот, кто их шил, очень старался: стежки ровные и аккуратные.

Он резко поднял голову и встретился взглядом с ошеломлённой Лоло.

— Неужели это... наложница Цянь сделала для Его Величества? — На лице Лоло было

написано потрясение. — Если бы не Ваше Высочество, боюсь, они никогда больше не увидели бы свет.

Янь Тин схватил коробку и выбежал наружу.

Даже слабое тело не могло остановить его. Он всю дорогу почти бежал до павильона Чэньшуй и снова безошибочно влетел прямо в объятия Пэй Сюньчжи.

— Почему ты вечно так носишься? Мы же... — Пэй Сюньчжи не договорил. Увидев коробку в его руках, он мгновенно умолк.

— Ваше Величество, смотрите! — Янь Тин протянул коробку. — Я нашёл это в покоях вашей матери!

На мгновение в голове Пэй Сюньчжи стало пусто. Не веря глазам, он протянул руку и костяшками пальцев провёл по тигриной шапочке.

Прошло немало времени, прежде чем он услышал собственный голос — дрожащий, такой тихий, будто долетевший откуда-то издалека:

— Я думал... она ненавидела меня.

— Вы её ребёнок. В вас течёт её кровь. Может быть, она ненавидела покойного императора, но вас ненавидеть не могла, — Янь Тин поднял на него глаза и мягко утешил. — Эти вещи она шила стежок за стежком. Значит, когда-то она тоже ждала вашего рождения.

Просто для неё свобода оказалась важнее всего.

— Этого достаточно, — Пэй Сюньчжи крепко обнял Янь Тина. Пальцы стиснули коробку. Он будто плакал и будто улыбался. — Знать, что она меня не ненавидела, — уже достаточно.

В тот день он рассказал Янь Тину многое.

Сказал, что после восшествия на престол не стал посмертно повышать титул матери, потому что не хотел больше связывать её никакими оковами.

Он отправил её прах на границу и похоронил на утёсе, покрытом дикими цветами, желая, чтобы после смерти она наконец обрела покой.

И было ещё кое-что.

Пэй Сюньчжи снял с пояса нефритовую подвеску и вложил Янь Тину в руку.

— Дворцовые слуги, которые когда-то ухаживали за моей матерью, говорили, что она всегда носила это при себе. Теперь я отдаю её тебе.

□Текущий показатель любви: 80□

— Я буду беречь её, — улыбнулся Янь Тин.

После того как давний узел в сердце развязался, Пэй Сюньчжи всё-таки приготовил для Янь Тина ту самую баранину с картофельной соломкой.

И тогда Янь Тин обнаружил, что вкус у этого блюда очень странный. Даже при неплохом кулинарном мастерстве Пэй Сюньчжи баранина оставалась суховатой и резко пахла, а с картофелем её вкус совершенно не соединялся. Получалась какая-то прекрасная несовместимость.

После одного куса Янь Тину показалось, что он превратился в овцу и бежит по бескрайней зелёной степи.

Он жевал, стиснув зубы.

Но всё равно упрямо похвалил:

— Кулинарное мастерство Вашего Величества достигло настоящего совершенства! Что бы вы ни приготовили, всё получается невероятно вкусным!

— Правда? — Пэй Сюньчжи с невозмутимым видом положил ему в миску огромный кусок баранины. — Тогда ешь побольше.

— ...

В конце концов Янь Тин капитулировал.

Он жалобно посмотрел на Пэй Сюньчжи:

— Вообще-то... не настолько вкусно.

Пэй Сюньчжи взял его за руку, другой отобрал палочки и бросил на стол.

Затем медленно погладил тонкие пальцы Янь Тина и, не оставляя возможности отказаться, переплёл их со своими. Голос был настолько мягким, будто из него могла пролиться вода:

— Вот так и надо. Не нужно лгать, чтобы Нам угодить. Отныне, если что-то тебе не нравится или ты не хочешь этого делать, говори Нам прямо.

Когда он опускал глаза, длинные ресницы скрывали часть остроты разноцветного взгляда. Даже холодные очертания лица становились немного теплее.

Янь Тин серьёзно смотрел на него некоторое время, а потом спросил:

— Тогда если я чего-то хочу, тоже можно сказать Вашему Величеству?

— Разумеется.

Слово императора весит тысячу золотых. Он собственноручно дал Янь Тину право капризничать под защитой его благосклонности.

Поэтому Янь Тин набрался смелости, поднял голову и с надеждой сказал:

— Я хочу поцеловать Ваше Величество.

Похоже, Пэй Сюньчжи не ожидал от него такой прямоты. Он слегка застыл, а потом действительно наклонился, чтобы их лица оказались на одном уровне.

Прибежавшая Лоло собиралась войти, но едва поставила ногу за порог, как услышала эти слова. Она молча отступила и ещё не забыла закрыть дверь.

Махнула рукавом, не унеся ни облачка, — и скрыла подвиг глубоко в сердце.

В комнате сразу стало темнее. Янь Тин обнял Пэй Сюньчжи за шею и легко поцеловал в уголок губ.

В следующую секунду Пэй Сюньчжи уже поднял его на руки и понёс к постели.

Хотя первым всё затеял Янь Тин, он будто заранее понял, что будет дальше, и испуганно воскликнул:

— Ваше Величество, я ещё болею!

— Ничего страшного. — Пэй Сюньчжи вынул нефритовую шпильку из его волос. Чёрные пряди, гладкие как шёлк, тут же рассыпались и растеклись по всей постели. — Хорошенько пропотеешь — простуда пройдёт быстрее.

Янь Тин отодвинулся в угол кровати. Вспомнив, как в прошлый раз едва не расстался с жизнью, он всё ещё испытывал тревогу:

— Ваше Величество, я всё-таки боюсь заразить вас. Пусть вы и очень живучи, но даже такое здоровье не стоит испытывать без конца.

Пэй Сюньчжи совершенно не беспокоился. Он приблизился, в глазах появилась улыбка.

— ...У Нас не только жизнь крепкая. Кое-что другое тоже довольно крепкое.

Что это за волчьи речи?!

Даже кончики ушей Янь Тина покрылись тонким румянцем. Он насторожился, словно перед врагом:

— Вы только что сами сказали: если мне что-то не нравится или я чего-то не хочу, я могу сказать! Как можно нарушать собственное слово?

Кажется, и правда говорил.

Но —

— Во всём остальном Мы можем тебе уступить. — Пэй Сюньчжи протянул руку и схватил его за тонкое светлое запястье. В голосе звучала не допускающая возражений уверенность. — Но именно в этом отказ не принимается.

Императорская любовь несла в себе безоговорочную властность и целиком накрыла Янь Тина.

Янь Тин жалобно всхлипывал.

Его снова и снова мучили до полного изнеможения.

Он безжизненно смотрел на полог кровати. Сознание тонуло в дурмане страсти, пальцы дрожали и бессильно сгибались.

Наконец он понял смысл поговорки: не ищи смерти — и не умрёшь.

<http://bllate.org/book/19030/1869144>